

УДК 343

Виртуальное измерение уголовно-правовой реальности

С.А.БОЧКАРЕВ,

кандидат юридических наук,
прокурор управления по надзору за расследованием особо важных дел
Генеральной прокуратуры Российской Федерации;
email: bochkarvs@mail.ru

Рассматривается уголовно-правовой концепт в соотношении с концептом виртуальной реальности. Продемонстрированы происходящие в сознании индивида парадигмальные изменения, без учета которых отечественное уголовное право не сможет отвечать своему назначению в постмодернистском социуме, создавать нормативную модель инновационного общества. На фоне принципов построения компьютерных технологий и сетевых связей уголовному праву показаны подходы, которые интересуют его субъектов и уже реализуются ими в повседневной практике.

Ключевые слова: уголовное право, виртуальная реальность, виртуальное время, концепт, парадигма, индивид, уголовно-правовой концепт.

Virtual measurement of criminal and legal reality

Botchkarev S.

The article describes the concept of criminal law in relation to the concept of virtual reality. Shown taking place in the minds of individuals paradigmatic changes, without which the domestic criminal law can not meet its intended purpose in a postmodern society, to create a regulatory model of an innovative society. Against the background principles of computing and networking approaches criminal law shows that appeal to his subjects and has implemented them in their daily practice.

Keywords: criminal law, virtual reality, virtual time, concept, paradigm, the individual, the criminal law concept.

Постановка заявленной темы обусловлена современным уровнем информатизации российского общества, с которым связано массовое появление у его членов модернизированных средств коммуникации. Речь идет об интернет-сайтах, социальных сетях, блогах, твиттерах, скайпах и иных средствах организации межличностного взаимодействия. Подвергая анализу данную часть мировой коммуникационной технологии, которая активно развивается и эволюционирует в новую информационную индустрию¹, подавляющее большинство исследователей применяют к ней традиционный набор юридических средств. Используя апробированный комплект методов и методик, теоретики права сформировали представление об информационном праве². В настоящее время они же предлагают обоснование интернет-праву как комплексному институту, который взаимодействует не только с информационным правом, но и с международным частным и публичным правом, гражданским, уголовным и другими отраслями права.

Но если в общей теории права предлагаются новые концепции права виртуальной реальнос-

ти, обозначаются модифицированные принципы и условия его действия в киберпространстве, то в уголовном праве такая работа практически не ведется. Наблюдаются усилия по актуализации заявленной темы. Б.С. Гавриш и Е.В. Фесенко, в частности, отмечают: необходимо победить стереотипы, которые сложились у ученых и юристов-практиков с советских времен, обусловленных идеологизацией общественной наук в целом, в том числе уголовного права³. При этом в качестве обстоятельства, препятствующего обоснованию виртуального мира, приводится то, что «классическая теория уголовного права продолжает воспринимать предмет преступления исходя из исключительного материалистического мировосприятия»⁴. В наличии также немногочисленные монографические и диссертационные исследования, посвященные вопросам правового регулирования online-отношений, которые, безусловно, вносят свой вклад в развитие науки уголовного права.

Однако названные достижения по-прежнему связаны с распространением на виртуальный мир устоявшихся теоретических и

¹ См.: Рассолов И.М. Право и Интернет: теоретические проблемы. 2-е изд. доп. — М., 2009.

² См.: Копылов В.А. Информационное право. — М., 2002; Рассолов И.М. Информационное право: анализ и решение практических задач. — М., 1998; Бачило И.Л. Информационное право: роль и место в системе права Российской Федерации // Государство и право. 2001. № 2.

³ См.: Гавриш Б.С., Фесенко Е.В. Концептуальные вопросы применения криминального законодательства Украины // Новый криминальный кодекс Украины: вопросы применения и изучения: материалы междунар. научн.-практ. конф. 2001. — Харьков, 2002. С. 11—14.

⁴ Розенфельд Н.А. Некоторые аспекты необходимости введения понятия «виртуальный предмет преступления» в теорию уголовного права // Известия Саратовского университета. 2007. Т. 7. Серия «Экономика. Управление. Право». № 2. С. 62.

практических правоположений. В большинстве опубликованных работ, как отмечает И.М. Рассолов, основное внимание уделяется прикладным аспектам Интернета и права. Акцентируется внимание на естественнонаучной характеристике самого Интернета и частных проблемах интернет-права¹. Научные работы преимущественно ограничиваются установлением объектов и субъектов правового воздействия, условий и последствий их взаимодействия.

В редких случаях принимается во внимание то, что для коммуникационной области человеческой жизнедеятельности характерны закономерности функционирования, которые схожи, но малоприспособлены для применения в обычных сферах общественной жизни. С целью их обнаружения теоретики уголовного права практически рассматривают те же вопросы, но только в их «обратной связи». Имеются в виду процессы, которые всегда и в равной мере противодействуют всякой силе, в том числе силе правового воздействия. Речь идет о названных средствах коммуникации, социальная среда которых способна не только воспринимать, но и отражать, формировать, и не только новое информационное и телекоммуникационное, но и правовое, в том числе уголовно-правовое пространство. Заявленные способы человеческого взаимодействия имеют возможность обуславливать и изменять окружающую их сферу, адаптировать под себя область права, мировоззрение его субъектов, их взгляды на время и окружающее пространство.

«Технологии масс-медиа, — как отмечает И.Н. Гансвид, — в особенности телевидение и компьютерные технологии трансформируют мировосприятие на сторону многомерной, многовариантной, сценарно-игровой виртуальности. К жизни человека, ориентированного на виртуальность, приращивается другая жизнь, которая продлевает, расширяет, заполняет пустоты модельной и игровой стихией»². «Становится уже привычной ситуация, — добавляет А.В. Говорунов, — когда человек может «заиграться» и «перепутать» пространство компьютерной игры и действительной жизни»³. При этом такие изменения касаются не только индивида. С внедрением современных информационных технологий, утверждает М.С. Вершинин, изменяется «сама суть развития социальных процессов»⁴.

Для работы с отмеченными средствами контакта требуются, как минимум, специальные знания, нахождение в киберкультуре и овладение интернет-языком, а в целом глубокое осмысление и согласие с закономерностями их бытия. И такое переосмысление, судя по стремительно увеличивающемуся числу интернет-пользователей, уже происходит. По оценкам фонда «Общественное мнение», если в 2007 году число интернет-пользователей составило 28,7 млн. (25% населения), то в 2008 году их количество уже превысило 32,7 млн. человек (29%)⁵. По разным оценкам, в 2009 году число пользователей составило 45 млн. (32,7%) человек. По сообщению международной исследовательской группы TNS, количество россиян, пользующихся Интернетом, за 2010 год выросло на 14%. При этом Твиттер за тот же год в России вырос в 3 раза. По данным Wall Street Journal, сейчас в нашей стране 60 млн. интернет-пользователей. Как ожидается, к 2013 году доступ к Интернету может получить уже 93 млн. человек (67% населения)⁶.

Однако каковы смысл и цели, искомые интернет-пользователями? И не затрагивают ли они основ и господствующих концептов уголовного права? А если затрагивают, то готова и способна ли эта отрасль права отвечать требованиям новой реальности, вытекающей из взаимодействия человека с миром компьютера? Или же эта отрасль права неспособна проводить общество в будущее, имея возможность лишь констатировать его прошлое?

На уровне эмпирических наблюдений трудно заметить, что устремленность общества сосредоточена на поиске таких форматов и условий взаимодействия его членов, которые обеспечивают контакт социальной, политической, экономической и правовой связи безотносительно к месту и времени их нахождения, при условии простоты, мобильности и минимальной затратности этого контакта. То есть общество делает выбор в пользу той социальной инфраструктуры, которая строится на принципах децентрализации и конвергенции. При этом предпочтение отдается интернет-средствам, поскольку они стирают границы и расстояния, создают равные возможности, преодолевают разрывы, обеспечивают планетарный и мгновенный доступ. В их пользу делается выбор, так как «первая клетка —

¹ См.: Рассолов И.М. Указ. соч. С.4.

² Гансвид И.Н. Виртуальность // Словарь Института исследований природы времени. URL: http://www.chronos.msu.ru/TERMS/gansvind_virtualnost.htm (25.10.2011)

³ Говорунов А.В. Человек в ситуации виртуальной реальности // Информационное общество. 2001. № 1. С. 22.

⁴ См.: Вершинин М.С. Политическая коммуникация в информационном обществе. — СПб., 2001.

⁵ См.: Опросы «Интернет в России». Выпуск 23. Весна 2008. № 3 // Фонд «Общественное мнение». 2008.

⁶ См.: «Через два года российский сегмент Интернета станет самым крупным в Европе». URL: http://www.dp.ru/a/2011/06/03/CHerez_dva_goda_rossijskij (25.10.2011).

нейрон — срабатывает в миллион раз медленнее, чем триггер — элементарная логическая единица в чипе персонального компьютера. Скорость передачи информации нервной системе в миллион раз меньше, чем в персональном компьютере»¹.

В силу универсального характера заявленных качеств, отвечающих природе Интернета, аналогичное значение они имеют и для уголовно-правовой сферы человеческого бытия. В данной области интернет-инструменты способны приумножать силы преступного влияния — повышать эффективность, снижать издержки и расширять сферу воздействия криминального поведения. Интернет располагает большей возможностью сокрытия факта совершения преступления, меньшей вероятностью обнаружения виновного лица и жертв его посягательств. В целом же, как говорит Н.А. Розенфельд, создается «новое поле для совершения преступлений, которые направлены на кибернетические достижения»². И все это, как отмечает А.Н. Райков, в силу того, что «скрытость, латентность — глубинная природа сети»³.

Во многом за счет отмеченных качеств объясняется рост киберпреступности, в которой успех дела не связан с большим риском. В реальном мире психологический аспект преступления предполагает наличие некоторых средств сдерживания, внешних и внутренних обстоятельств, без преодоления которых невозможно достижение преступной цели. В виртуальном мире преступники могут не видеть своих жертв, будь то отдельные люди или целые организации, которых они выбрали для атаки. Как говорит Е. Касперский, «грабить тех, кого ты не видишь, до кого не можешь дотянуться рукой, гораздо легче»⁴.

Все это свидетельствует о том, что как в легальной, так и в криминальной сфере человеческого бытия общество востребует интернет-инструменты, поскольку они сокращают пространства и экономят время на пути движения к своим целям. Но таким образом социум не только минимизирует издержки своей деятельности. Адаптируя интернет-измерение, он пересматривает собственные взгляды на условия ориентации в окружающем его мире. По оценкам специалистов Института философии РАН, диффузный, расфокусированный режим восприятия этого мира, характерный для виртуальной реальности, уже во многом трансфор-

мирует классическую картину мира, делая ее более многослойной и лишенной привычной системы координат, свободной от законов гравитации, объемности, равномерности, рядоположенности объектов и т.п.⁵

Уголовно-правовой концепт основан на механическом представлении о мире. Как и одноименная концепция, уголовный закон воспринимает и оценивает мир сквозь призму линейных и параллельных прямых. В нем не синтезируется, а накладывается объективное на субъективное (ст. 14 УК РФ), интеллектуальное на волевое (ст. 24 — 26 УК РФ), а в целом — преступное на наказуемое (разд. II и III УК РФ). Для определения вида и размера наказания в уголовном законе используется натуральный счет, обеспечивающий частичное или полное сложение сроков различных наказаний (ст. 71 УК РФ). Применяются обыкновенные дроби, которыми достигается зачет отбытых в неотбытые сроки наказания (ст. 72 УК РФ).

Широко используются уголовным законом и числовые неравенства. При оценке деяний, совершенных против собственности, правоприменитель должен исходить из величины их стоимости. Если сумма или стоимость похищенного имущества меньше или равна, а в целом не превышает 1 тыс. руб., то отсутствуют основания для уголовного преследования лица. Если же сумма ущерба или стоимость похищенного свыше 2,5 тыс., но не превышает 250 тыс. руб., то размер наказания не может превышать пять лет лишения свободы. В том случае, если преступление против собственности будет совершено в крупном размере, то есть в размере от 250 тыс. руб. до 1 млн. руб., или в особо крупном размере, то есть свыше 1 млн. руб., то размер наказания, по общему правилу, не может выходить за пределы от двух до шести лет и от пяти до десяти лет лишения свободы соответственно.

При этом не только в уголовном законе, но и в одноименной отрасли права проявляется неравнодушие к отмеченным приемам рассмотрения социальной действительности и объяснения связей ее явлений. Сама по себе теория уголовного права преимущественно рассматривается как сумма предписаний, закрепленных в законе или ином тексте, признанном ее источником. Аналогичным образом рассматривается и преступность. В ней видят совокуп-

¹ Майнцер К. Сложносистемное мышление: материя, разум, человечество: новый синтез. Пер. с англ. / под ред. и с предис. Г.Г. Малинецкого. — М., 2009. С. 11.

² Розенфельд Н.А. Указ. соч. С. 63.

³ Райков А.Н. Виртуальное пространство доверия // Информационное общество. 2006. № 5-6. С. 127.

⁴ Касперский Е. Киберпреступность как бизнес. URL: <http://biz.liga.net/articles/EA080183.html>

⁵ См.: Бычков В.В., Маньковская Н.В. Виртуальная реальность как феномен современного искусства // Эстетика: Вчера. Сегодня. Всегда. Вып. 2. — М., 2006. С. 59.

ность, то есть все ту же общую сумму преступлений, объединенных наличием в них схожих признаков.

Характерной чертой уголовного права является и его ориентация на линейное начало. Ему подчинены все нормы, устанавливающие единый подход к применению наказания независимо от сферы человеческой деятельности и иных качественных характеристик индивидуума. При этом целостная система таких норм, отличающаяся своей невосприимчивостью к социальным изменениям и способностью существовать лишь в составе бесконечного во времени и пространстве мира, является идеалом для теории уголовного права. Разрабатывая нормы уголовного закона, специалисты стремятся достичь их юридико-технической универсальности и социальной адаптивности ко всем общественно-экономическим формациям. Они добиваются в конечном итоге уголовно-правового измерения, индифферентного к социальной действительности.

Отмеченные средства юридического измерения глубоко внедрены в уголовно-правовую материю, несмотря на то, что их характерные возможности как в теории, так и на практике могут приводить лишь к кратному сложению или умножению, вычитанию или делению. Иными словами, к искаженной — преувеличенной или преуменьшенной — оценке причин и обстоятельств совершения конкретного преступления, к наказанию как к общему, а не индивидуальному знаменателю. Для поиска этих знаменателей в сложившемся уголовно-правовом мире, как и в механическом, используется координатная прямая с положительными и отрицательными числами. На ней положительное свидетельствует о преступном, а отрицательное — о некриминальном качестве деяний.

У рассматриваемых концептов схожи и системы отсчета; как и в механике¹, в нынешнем уголовном праве пространство однородно и неподвижно, а время — абсолютно. Они оторваны от охраняемых благ и реальных социальных процессов так же, как в ньютоновской концепции пространство и время — текут сами по себе, безотносительно к каким-либо процессам². Иными словами, в уголовно-правовой системе отсчета пространство тесно связано с территорией, а время — с моментом соверше-

ния преступления в их практическом смысле и прикладном содержании. Однако такое представление о мире, как отмечает Л.И. Спиридонов, пришло к нам из средневековья. В то время мир предстал как некое единство, подчиненное связям причинного характера и линейного подчинения³.

В итоге вышеприведенные элементы уголовно-правового расчета оказались настолько отвлечены от социального пространства и человеческого времени, что наука уголовного права, как говорит А.Э. Жалинский, все еще неспособна впитать в себя, выразить на своем языке необходимость охраны личности в ее новых социальных ролях и условиях. Наука не приобрела средств для включения уголовного права в социальный дискурс современного общества⁴. Ею практически не используются сложные социальные уравнения, которые и предназначены для обнаружения детерминирующих корней, а не обобщенных знаменателей.

При этом речь не идет о необходимости усложнения уголовно-правовой организации. Несмотря на виртуальность предлагаемой для исследования реальности, в ней «нет ничего нового»⁵. В виртуальном мире так же, как и в подлинном, можно моделировать и реализовывать процессы и объекты реальной жизни, создавать пространство с ощущением и восприятием его реальности за счет активного участия пользователя компьютера в событиях, предлагаемых информационной системой. В виртуальной среде возможно общаться с «коллегами», выполнять различные действия, совместно строить и развивать свой мир⁶.

Речь идет, во-первых, о потребности обнаружения и принятия во внимание нетрадиционных для уголовного права типов и архетипов человеческого поведения, все чаще и навязчивее обнаруживающих себя в социальной практике. Во-вторых, о нужде в новом осмыслении существующей уголовно-правовой реальности, ее проблем, за которыми, можно предположить, кроется неэффективность уголовного закона как метода рациональной реконструкции подорванных преступлением общественных отношений. И, в-третьих, разговор ведется об обнаружении и разграничении продуктивных и репродуктивных результатов действия уго-

¹ См.: Горохов В.Г. Концепции современного естествознания и техники: учеб. пособие. — М., 2000. С. 313.

² См.: Ньютон И. Математические начала натуральной философии // В кн.: Крылов А.Н. Собр. трудов. Т. VII. — М.-Л., 1936. С. 30.

³ См.: Спиридонов Л.И. Человек. Познание. Общество // Известия вузов. Правоведение. — СПб., 2009. № 5. С. 230.

⁴ См.: Жалинский А.Э. Уголовное право в ожидании перемен: теоретико-инструментальный анализ. — М., 2008. С. 108.

⁵ Ларионов И.Ю. Виртуальная реальность: добродетель и преступление // Виртуальное пространство культуры: материалы научной конференции 11-13 апреля 2000 г. — СПб., 2000. С. 103.

⁶ См.: Коловоротный С.В. Виртуальная реальность: манипулирование временем и пространством // Журнал практической психологии и психоанализа. 2003. № 1. С. 3.

ловного закона, для диагностирования которых необходима новая, возможно, виртуальная реальность, ее пространство и время.

Виртуально-правовой концепт никоим образом не исключает реального. «Виртуальная реальность, — как пишут Д.В. Воробьев и А.А. Сироткина, — не существует сама по себе»¹. «Актуальное и виртуальное, — отмечал известный французский философ Жиль Делез, — сосуществуют и вступают в прямое круговращение, которое нас постоянно ведет от одного к другому»². Виртуальная реальность — это реальность чувственная, жизненная, средняя, реальность и события «здесь и сейчас». Названная реальность подобно обычным реальностям может быть обжита, казаться более или менее естественной, выглядеть обычной или странной³.

В правовой сущности рассматриваемого концепта нет новой культуры или системы ценностей. Он составлен из многих культур, ценностей, проектов, которые приходят на ум и меняются тем же темпом, что и участники коммуникационных сетей, следуя их организационной и культурной трансформации⁴. Однако, в отличие от реального, виртуальное имеет нефизические формы пространства и времени⁵. Вернее, как уточняют специалисты, виртуальная реальность состоит из двух подсистем и сочетает в себе как физическую, так и нефизическую среды, последняя из которых доминирует над первой. «Привычное» время и пространство для виртуального мира здесь не более чем формальная система координат.

Благодаря такому соотношению взаимодействия в виртуальной реальности происходит таким же образом, как и в подлинной реальности⁶, но только все это — за малое время и на коротком расстоянии, за счет «легкой проницаемости барьеров»⁷. Поэтому овладение виртуальным, замечает французский мыслитель Поль Вирилио, означает овладение способностью воспринимать мир в более глубоком и интенсивно переживаемом времени⁸.

В некотором смысле уголовное право уже имеет дело с виртуальным миром. Исследуя

субъективную сторону всякого состава преступления, криминалисты погружаются в нефизическое — перцептуальное пространство лица, совершившего общественно опасное деяние. Как бы находясь во внутреннем мире человека, специалисты оценивают психическое отношение виновного к совершенному преступлению в целом и его отдельным юридически значимым элементам. Они соизмеряют возраст лица с уровнем его психического развития.

Вместе с тем рассмотрение исследуемой реальности сквозь призму учения о преступлении обуславливает ограниченный взгляд на виртуальность как на способ восприятия мира. В этом представлении пространство и время выступают лишь средствами обнаружения материальных объектов и их состояний⁹. Их субъекты ограничены позициями зрителя, читателя или слушателя и неспособны включаться в действие в качестве активных персонажей¹⁰.

Инструментария сложившейся теории уголовного права недостаточно для обнаружения в виртуальном мире самостоятельной реальности, обеспечивающей человеку возможность сквозь время и пространство не только наблюдать, но и действовать. Теории не хватает для объяснения закономерностей технологий, умножающих либо преобразующих способности человека. Накопленных знаний недостает для понимания новых качеств и возможностей, за счет которых лицо способно не только в легальной, но и в криминальной сфере создавать, к примеру, производства, функционирующие на базе труда специалистов, незнакомых и тактично не общающихся друг с другом, живущих и работающих в разных странах и частях света.

Виртуальное пространство имманентно не связано с территорией, которая применительно к Российской Федерации «включает в себя территории ее субъектов, внутренние воды, территориальное море, воздушное пространство над ними»¹¹. Границы исследуемого пространства не определяются линиями и проходящими по ним вертикальными поверхнос-

¹ Воробьев Д.В., Сироткина А.А. Виртуальная реальность как категория социальной философии, или что такое виртуальная реальность? // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия «Социальные науки». 2008. № 4 (12). С. 90.

² См.: Делез Ж. Актуальное и виртуальное // Альманах «Восток». 2006. № 3(39).

³ См.: Розин В.М. Интернет — новая информационная технология, семиозис, виртуальная среда // Влияние Интернета на сознание и структуру знания. — М., 2004. С. 10.

⁴ См.: Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / пер. с англ. под науч. ред. О. И. Шкарата-на. — М., 2000. С. 142.

⁵ См.: Галкин К.Ю. Темпорологическая концепция виртуальной аддикции. 1999.

⁶ См.: Коловоротный С.В. Указ. соч.

⁷ Минаков А.В. Некоторые психологические свойства и особенности Интернета как нового слоя реальности // <http://vsru.ac.ru/vip/index.html> (09.10.2010).

⁸ См.: Вирилио П. Информационная бомба: стратегия обмана. URL: <http://lib.aldebaran.ru> (05.11.2010).

⁹ См.: Алексеев П.В., Панин А.В. Философия: учебник. 3-е изд., перераб. и доп. — М., 2003.

¹⁰ См.: Розин В.М. Указ. соч. С. 7.

¹¹ Ст. 67 Конституции Российской Федерации. Принята всенародным голосованием 12.12.1993.

тиями, которые в международно-правовой практике служат пределами суши, вод, недр и воздушной среды¹.

Несмотря на то, что виртуальная реальность — место бытия конкретных людей и целых сообществ, ее пространство, тем не менее, не связано с национальными и географическими границами каких-либо территориальных единиц. В нем нет гражданства, половых, расовых и языковых притеснений и ограничений.

Пространством виртуальной реальности является сознание человека. Сознанием определяется натуральность виртуальной реальности, которая тем более реалистична, чем более внушительно ее компоненты воздействуют на сознание человека. Оно служит и основным инструментом проникновения в искусственную реальность, создаваемую самим человеком с помощью компьютерных технологий². Компьютерные технологии выступают средством выражения, а точнее, отражения тех сторон сознания, которым ранее человек не придавал значения, которые не допускал в сферу своей целесообразной деятельности. В этом смысле феномен сознания для уголовного права способен служить не традиционным, а единым и унифицированным объектом преступления. Последствия посягательств на него могут быть самыми непредсказуемыми, где расстройства психического характера будут далеко не самым худшим вариантом³.

Все это делает актуальным предметом научного осмысления вопросы об особенностях воздействия элементов искусственной реальности на сознание; о месте и времени, где для сознания заканчивается граница подлинной, а начинается действие виртуальной реальности. Разрешая их, специалисты уже сегодня сходятся во мнении, что главная проблема, налагающая существенные и принципиальные ограничения на развитие виртуальной реальности, заключается в реальных возможностях человеческой психики, допустимых пределах ее функционирования в практически безграничной сфере квазиреальности виртуального мира⁴.

Виртуальное время не отменяет и не изменяет «регулярного» времени. Виртуальное время — есть одна из вариаций времени, переживаемая различными обществами, индивидами и вещами. Такое время, говоря словами французского социолога Пьера Хибрауда, отличается

ся стремительностью, прерывистостью и забегами вперед⁵. Не замечая его, уголовное право ограничивается взглядом на время лишь как на способ фиксации продолжительности интересующего его деяния.

Виртуальная реальность, как отмечает Мануэль Кастельс, вносит двоякий вклад в преобразование времени в нашем обществе — в виде одновременности и вневременности⁶. Время отмеченной реальности обновляет устоявшиеся в праве представления о скорости и движении как его неотъемлемых спутниках. Речь уже идет не об экстенсивном времени, характерном для обыденной для нас практики, а о времени интенсивном, которое так же, как и вся виртуальная реальность, «призвано сделать доступной для восприятия информацию, уместающуюся в бесконечно малые промежутки времени»⁷. Благодаря новым коммуникационным технологиям время сжимается и в некотором смысле совершенно отвергается в культуре. Оно отменяется как примитивная копия быстрого оборота в производстве, потреблении, идеологии и политике, на котором основано наше общество.

Таким образом, сравнительное исследование действующего уголовно-правового и грядущего виртуально-правового концептов позволяет прийти к выводу о том, что современная компьютерная эпоха актуализирует для уголовного права необходимость поиска новых выразительных средств. Прежние механизмы практического опыта уже не срабатывают и обуславливают необходимость задумываться о целостной и принципиально иной — виртуальной реальности, ее формах, механизме и границах действия.

Широчайшее внедрение компьютера, Интернета и иных дигитальных технологий в жизнь обычного человека приводит не только к увеличению его технико-технологических возможностей, но и к существенному изменению ментально-психической структуры личности, к переориентировке с традиционного опыта на новый, далекий от всего, с чем человек имел дело в обозримый период истории. В связи с такими изменениями уголовное право наряду со всей гуманитарной наукой должно трудиться над поиском и выработкой инновационных парадигм человеческой деятельности. На основе «измененного» сознания, в котором господ-

¹ Закон РФ от 01.04.1993 № 4730-1 «О Государственной границе Российской Федерации» // Ведомости СНД и ВС РФ. 1993. № 17. Ст. 594.

² См.: Hammet F. Virtual reality. — N. Y., 1993 /пер. с англ. М. Дзюбенко.

³ См.: Коловоротный С.В. Указ. соч.

⁴ См.: Бычков В.В., Маньковская Н.Б. Указ. соч. С. 60.

⁵ См.: Hebraud P. Observations sur la notion du temps dans le droit civil. — Ed. Presses Universitaires d'Aix-Marseille 1979. Т. II. p. 1 ets.

⁶ См.: Кастельс М. Указ. соч.

⁷ См.: Делез Ж. Указ. соч.

ствующее положение занимают не формально-логические, одномерно-дискурсивные конструкции и словесные тексты, а полисемантические аудиовизуальные, тактильно-гаптические структуры, ориентированные на функционирование «новой телесности», уголовное право как минимум не должно ограничиваться рамками рационально-рассудочной сферы человеческого сознания.

Движение в названном направлении позволит обнаружить, что:

1. Виртуальная реальность, являясь средством сосуществования и взаимодействия людей, своей востребованностью доказывает, что исторически сложившееся представление уголовного права о двухмерном — временном и территориальном — пространстве не универсально. Оно не обеспечивает уголовному праву возможность присутствия и действия в тех сферах общественной жизни, которые не подвластны физическим законам и ограничениям, но в которых за счет «транслируемых» данных можно воздействовать на человека настолько сильно, что отличить искусственную реальность от подлинной практически невозможно¹.

2. Современные уголовно-правовые средства не располагают доступом к альтернативным пространствам человеческой жизнедеятельности. При этом дело здесь не только и не столько в том, что виртуальная реальность разрушает сложившиеся представления, к примеру, о юрисдикции уголовного закона и права, которая традиционно определяется пределом действия государственного суверенитета. Проблема в том, что виртуальная данность ставит вопрос о содержательно-смысловой недостаточности понятийного аппарата отечественного уголовного права, который как в материальном, так и в процессуальном плане тесно связан с «примитивным» представлением о месте происшествя.

3. В виртуальной реальности «обычное» время, используемое для установления события преступления, может быть обнулено, а место выполнения общественно опасного действия рассеяно до неопределенного множества. В таком качестве они утрачивают привычное значение, а киберпреступность для уголовного права с типичной системой координат становится невидимой.

4. Субъектный состав отношений, возникающих в связи с использованием сети, слабо коррелируется с субъектами правоотношений,

зафиксированных в законодательных системах². Для уголовного права это означает, что организованная преступность, к примеру, получает иное смысловое наполнение. Образованные в сетях группы и сообщества не проявляются в «сложноподчиненных» и «закомплексованных» формах, не создаются продолжительным путем и трудоемкими способами, как это представлено в ст.35 и 210 УК РФ. Сетевые группы формируются спонтанно и самопроизвольно. При формировании в них вообще отсутствует лидер. Каждый входящий в сеть является потенциальным лидером³. При этом в подавляющем большинстве выявленных групп организующим началом выступало не единство умысла их членов, а частный и разнородный по своему существу интерес.

5. Наряду с названными нормами уголовного закона подлежат переоценке и иные составы преступлений, их квалифицирующие признаки, обстоятельства, отягчающие или смягчающие наказание. Так, в частности, не вызывает сомнения, что повышенной общественной опасностью характеризуются действия по использованию интернет-ресурсов при распространении заведомо ложных сообщений об актах терроризма (ст. 207 УК РФ), призывы к неподчинению законным требованиям власти, насилию над гражданами, массовым беспорядкам (ч. 3 ст. 212 УК РФ) и др.

6. Виртуальное пространство требует для поддержания своей жизнедеятельности создания и использования не отдельных схем, а программных систем обеспечения. Для уголовного правотворчества сказанное означает, что и оно должно переходить от сводных правил к модульному порядку формирования, от кодирования к программированию социального порядка, поскольку первое является лишь частью второго, находясь вне которого, кодирование в своей практике вынужден обходиться без анализа и проектирования, тестирования и отладки, а также без операционального сопровождения своей сферы применения.

7. В этом смысле необходимо не только законодательное принятие и последующее правоприменение, но и социальная инсталляция положений уголовного закона. То есть создание не плоскостного, а экспозиционного пространства, в котором за счет нетривиальных контекстов и композиционных решений могут быть созданы условия для многомерного, семантического уголовно-правового поля, непрестанно приспособляющегося к поддерживающим его

¹ См.: Heim M.. The Metaphysics of virtual reality // Virtual reality: theory, practice and promise. — Westport and London, 1991.

² См.: Рассолов И.М. Указ. соч. С. 76.

³ См.: Райков А.Н. Указ. соч. С. 124.

правовым средам и социальным структурам. На законодательном уровне такая инсталляция уже происходит, когда к разработке законопроекта привлекаются широкие слои населения, профессиональные сообщества.

8. В аналогичных по своему принципу действия институтах нуждается само уголовное право. В качестве инструмента, обеспечивающего заявленный формат уголовно-правового измерения, может выступать институт общественной опасности¹. Его разработка предоставляет возможность оценивать деяние не только с позиции состава преступления, но и с альтернативной точки зрения — как состава общественной опасности. Последний не исключает, а дополняет первый, поскольку позволяет оценивать не только опасность виновного, но и степень соучастия потерпевшего в совершенном преступлении.

9. В конце концов, освоение наукой уголовного права закономерностей виртуальной реальности позволит ее представителям в практике этой отрасли права отличать мифическое от реалистического, искусственное от действи-

тельного, жизненное от нежизненного, а в целом — наличие в уголовном законе реальной или имитационной силы.

Изложенные предложения далеки от завершенности и требуют дальнейшей проверки и обоснования. Задача исследования виделась автору в обнаружении альтернативных сфер человеческого бытия, демонстрации происходящих в сознании индивида парадигмальных изменений, без учета которых отечественное уголовное право не сможет отвечать своему назначению в постмодернистском социуме. Оно не будет способно, говоря словами Т.Я. Хабриевой, создавать «нормативно очерченную модель инновационного общества»².

Серьезность происходящих в менталитете человека обновлений подтверждена тем, что они коснулись категорий пространства и времени, в зависимости от которых индивид определяет смысл своей жизни и отношение к миру. На фоне принципов построения компьютерных технологий и сетевых связей уголовному праву показаны подходы, которые интересуют его субъектов и уже реализуются ими в повсе-

В следующем номере журнала «Современное право» читайте:
С.А. ШАРОНОВ. «Закон Российской Федерации “О частной детективной и охранной деятельности в Российской Федерации”»: анализ, проблемы, предложения».

«...Следует обратить внимание и на понятие “объект охраны”, поскольку именно по поводу объектов и возникают исследуемые отношения. Например, в случаях, если объект охраны будет не определен или определен ненадлежащим образом, стороны договора охраны могут не прийти к соглашению либо заключить договор в состоянии заблуждения.

Что же в понятии “объекты охраны”, по нашему мнению, не соответствует нормам гражданского законодательства? Традиционно в цивилистической науке объектами гражданских прав являются материальные и нематериальные блага, по поводу которых субъекты вступают между собой в правоотношения. Кроме того, различные комбинации благ и свобод (как объектов гражданских прав) в совокупности определяют структуру и характер договорных отношений. Г. Ф. Шершеневич объектом права называл “вещи... и действия других лиц, состоящие в передаче вещи, в услугах...”.

Таким образом, отношения частной охраны возникают по поводу объектов гражданских прав: вещей, нематериальных благ и поведения людей...»

¹ См.: Бочкарев С.А. Общественная опасность преступления: институциональная природа явления // Закон и право. 2010. № 1. С. 25-28.

² См.: Хабриева Т.Я. Век инноваций и право // Вопросы правоведения. 2010. № 1. С. 8.

дневной практике.